

Биографический нарратив Достоевского

Федор Михайлович Достоевский родился 11 ноября¹¹² 1821 года в Москве. Год рождения писателя попал на страницы газеты в публикации, посвященной Мазовецкому музею (Muzeum Mazowieckie; ранее – Muzeum Publiczne i Szkolne Województwa Płockiego) в Плоцке. История музея берет начало 21 сентября 1821 года, что совпало с годом рождения Достоевского [Kowalski 2011b: 5]. Город рождения писателя впервые появился на страницах газеты в интервью с католическим епископом и богословом Антони Юзефом Длугошем (Antoni Józef Długosz, род. 1941 г.), рассказывавшим о местах, в которых побывал во время поездки в Россию: «Я посетил дом, в котором родился Достоевский, ибо люблю наследие этого писателя» [Piersiak 2006: 5]¹¹³. Хотя ксендз не уточнял, конечно, речь идет о музее-квартире на улице Достоевского, дом 2 (на момент рождения писателя – улица Новая Божедомка). Позже при описании проблем с открытием станции метро «Достоевская», о чем речь подробнее пойдет далее, в газете появилось еще одно упоминание музея:

Станция «Достоевская», хотя и носит имя одного из величайших русских писателей, не имеет счастья. Находится на периферии. Называется так благодаря близлежащему музею Федора Достоевского. Но писатель жил в Москве недолго

¹¹² В публикации газеты за 18 мая 2002 года в заметке под интервью с мексиканским писателем Карлосом Фуэнтесом (Carlos Fuentes, 1928–2012 гг.) отмечено, что он также родился 11 ноября, как и Достоевский; кроме того, назван американский писатель Курт Воннегут (Kurt Vonnegut, 1922–2007 гг.), родившийся в этот же день [Domoślawski 2002: 18].

¹¹³ См. оригинал: „Odwiedziłem dom, w którym urodził się Dostojewski, bo kocham dorobek tego pisarza”.

(большую часть жизни он был связан с Петербургом), а музей не является важной туристической достопримечательностью [Wojciechowski 2010: 2]¹¹⁴.

В одной из публикаций, посвященной исключению из польской школьной программы ряда авторов в 2007 году, чего мы коснемся ниже, так как вычеркнут был и русский писатель, также вскользь упомянут факт, что «Ницше и Достоевский имели польские корни», со ссылкой на первый том *Дневника* Витольда Гомбровича, который попал в тот же черный список Министерства образования [Żak 2007a: 2]. Действительно, это фраза из первых записей Гомбровича за 1953 год, в которых он приводил рассказ одного поляка в аргентинском кафе о гордости за свое отечество. Больше никаких деталей в статье нет, но имеются многочисленные исследования рода Достоевского, на самом деле уходящего корнями в историю Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой [Сараскина 2013: 782–785]. Эту мысль в своей публикации о современном писателе нового имперского толка Захаре Прилепине (род. 1975 г.) повторил и публицист Вацлав Радзивинович (Wacław Radziwiłowicz, род. 1953 г.): «А Федор Достоевский? Этот поляков, хотя сам немного поляк, ненавидел» [Radziwiłowicz 2016: 31]¹¹⁵.

Самый ранний отрезок жизни будущего писателя попадает на страницы ежедневника „Gazeta Wyborcza” через интервью со швейцарской психотерапевткой польского происхождения с еврейскими корнями Алис Миллер (Alice Miller, 1923–2010 гг.). В основе ее теории – идея о деструктивном влиянии на личность жестокости, пережитой в раннем детстве¹¹⁶. Психотерапевтка говорила: «Отец Достоевского был жестоким, убивал

¹¹⁴ См. оригинал: „Stacja Dostojewska, choć nosi imię jednego z największych rosyjskich pisarzy, nie ma szczęścia. Leży na peryferiach. Nazwę zawdzięcza niedalekiemu muzeum Fiodora Dostojewskiego. Jednak pisarz mieszkał w Moskwie krótko – przez większość życia związany był z Petersburgiem – a muzeum nie jest wielką atrakcją turystyczną”.

¹¹⁵ См. оригинал: „A Fiodor Dostojewski? Ten Polaków, choć sam trochę Polak, nienawdził”. В статье речь шла о противоречивой личности Захара Прилепина, которого пригласили на литературные фестивали в Кракове и Познани в 2016 году по случаю выхода его романа *Обитель* на польском языке (*Klasztor*). Позже приглашение отменили из-за сепаратистских взглядов писателя на события на востоке Украины. Вацлав Радзивинович, который должен был вести встречу с Прилепиным, сожалел и приводил примеры классиков, которых также нельзя было бы пригласить в Польшу: Гоголя – за антипольского *Тараса Бульбу*, Толстого – за участие в империалистической войне, Достоевского – за поляконенавистничество. Анализ произведения современного писателя можно найти в нашей публикации *Поэтика романа «Обитель» Захара Прилепина* в журнале „Studia Rossica Gedanensia” (5/2018).

¹¹⁶ Теория Алис Миллер отражена уже в ее первой книге, ставшей мировым бестселлером, – *Драма одаренного ребенка и поиск собственного Я* (*Das Drama des begabten Kindes und die Suche nach dem wahren Selbst*, 1979 г.), а также следующей значительной работе *В начале было воспитание* (*Am Anfang war Erziehung*, 1980 г.), в которой представлено влияние «губительной педагогики» на личность Адольфа Гитлера (Adolf Hitler, 1889–1945 гг.). О разрушающем воспитании в жизни известных людей психотерапевтка написала, например, такие книги: *The Untouched Key* (1988 г.), *The Body Never Lies: The Lingering Effects of Cruel Parenting* (2005 г.), где фигурирует и соотношение личности Достоевского с его воспитанием в детстве.

крепостных. Но мать его очень любила. Достоевский не стал преступником, но у него была эпилепсия» [Wikont 1999b: 16]¹¹⁷. Такое оторванное от фактов утверждение напрямую восходит к теории психоанализа. Этому, например, посвятила свое исследование первая психоаналитик-практик в России, уроженка Минска еврейского происхождения Т. К. Розенталь (1884–1921 гг.), которая была лично знакома с отцом психоанализа Зигмундом Фрейдом. В декабре 1919 года в Петрограде в журнале «Вопросы изучения и воспитания личности», датированного 1920 годом, вышла первая часть ее работы *Страдание и творчество Достоевского. Психогенетическое исследование* [Розенталь 1920: 88–107]¹¹⁸. Исследовательница ставила задачу «дать психологическое объяснение особенностям данного художественного творчества и линии его развития»; изучив воспоминания современников писателя, переписку, ряд исследований, а также на примере Голядкина из *Двойника* и Ордынова из повести *Хозяйка* она предположила, что автор изобразил «подлинную галлюцинацию одного из своих сумеречных состояний», что являлось результатом «самонаблюдений» [Там же: 92; 101; 107]. Работа Розенталь должна была быть продолжена, но в 1921 году исследовательница совершила самоубийство, а материал был бесследно утрачен.

Позже обращение к личности писателя находим в работе *Достоевский и отцеубийство (Dostojewski und die Vätertötung, 1928 г.)* самого Зигмунда Фрейда [Фрейд 1995: 285–294]. Как и высказывание Алис Миллер, теория Фрейда вызывает критику, хотя и является достаточно популярной. Автор, анализируя роман *Братья Карамазовы*, увидел в нем эдипов комплекс (конкурирование за любовь матери и желание смерти отца), который перенес и на биографию «писателя-невротика», а причины эпилепсии считал следствием невроза.

Даже Чеслав Милош не раз видел в героях Достоевского рассыпанные черты собственного характера писателя. А вот польский литературовед Здзислав Лапиньски (Zdzisław Łapiński, род. 1930 г.) на страницах газеты в беседе о Витольде Гомбровиче и его творческих провокациях приводил следующий пример: «Когда-то я читал признания актера Яна Свицерского, который писал, что его спас Достоевский, ибо показал, как творчески

¹¹⁷ См. оригинал: „Ojciec Dostojewskiego był okrutny, zabijał poddanych. Ale matka go bardzo kochała. Dostojewski nie stał się zbrodniarzem, miał za to epilepsję”.

¹¹⁸ В комментариях к повести *Хозяйка* в новом издании *Полное собрание сочинений и писем в тридцати пяти томах* Ф. М. Достоевского также находим указание на развитие данной теории: «Сон Ордынова привлек особое внимание последователей З. Фрейда, увидевших в „злом старике” воплощение образа М. А. Достоевского, отца писателя...» [Достоевский 2014а: 627]. Обратим, однако, внимание, что работа Фрейда о писателе, которую мы упоминаем выше, была опубликована позже (1928 г.), и сама комментатор С. В. Березкина отметила, что «впервые» данной темы касалась именно Т. К. Розенталь (1919 г.), хотя, как читаем в статье последней, она, ссылаясь на теорию австрийского психоаналитика, выражала и свое несогласие с ней, а также перечисляла ряд других исследователей, которые ранее обращались к вопросу соотношения личности Достоевского с его творчеством, а поэтому слово «впервые» также вызывает вопрос; допущена неточность и в нумерации страниц при ссылке на статью Розенталь: вместо «88–107» (верных) приведены «99–101» (неверных).

можно использовать то, что в себе ненавидишь и не можешь принять...» [Michnik... 2004: 18]¹¹⁹. В этой фразе еще одно указание на творческую сублимацию, которая снова возвращает нас к психоанализу и Фрейду.

В данном контексте достаточно интересно замечание в газете польского психиатра Кшиштофа Чумы (Krzysztof Czuma):

После перерыва в четверть века я вернулся к Достоевскому. Чтение Достоевского – это настоящий интеллектуальный и духовный праздник. Начал с *Братьев Карамазовых*. Меня потрясло необычайное сходство между описанием человеческих типов семьи Карамазовых и теорией личности Фрейда. При этом оказалось, что Достоевский, скорее всего, был первым. Возможно ли, чтобы Фрейд прибегнул к плагиату? [Czuma 1999a: 12]¹²⁰.

В материале автор обещал вернуться к данному вопросу. И сдержал слово: 12 ноября 1999 года, менее чем через месяц после первой публикации (29 октября), вышла статья *Czy Freud był plagiatorom?* (*Был ли Фрейд плагиатором?*) [Czuma 1999b: 5]. Здесь автор более детально говорил о своем первом знакомстве с романом Достоевского еще в студенческие годы и новой рецепции через двадцать пять лет, хотя неизменно не был дан ответ на вопрос о существовании Бога. Психиатр разобрал текст согласно теории Фрейда, которая появилась, что было отмечено в статье, через два десятилетия после написания романа: «Имел ли Фрейд возможность познакомиться с произведением Достоевского? Исключить этого нельзя. Так или иначе более правдоподобным кажется утверждение, что Фрейд занимался достоевщиной, а не наоборот» [Там же]¹²¹.

Психиатр из Катовице на протяжении нескольких лет писал в газету эссе на темы различных пограничных и патологических состояний человеческой личности, итогом стала книга *Spotkania z psychiatrią (Встречи с психиатрией)*, вобравшая в себя данные материалы [Czuma 2000], о чем также сообщалось в ежедневнике „Gazeta Wyborcza” с упоминанием и фамилии Достоевского [Ziemek 2000: 9]. Несомненным плюсом книги, как и ранее опубликованных отдельных эссе, является собрание актуальных в той или

¹¹⁹ См. оригинал: „Kiedyś czytałem wyznania aktora Jana Świdorskiego, który pisał, że uratował go Dostojewski, bo pokazał, jak można twórczo wykorzystać to, czego się w sobie nie nawidzi i nie akceptuje...”. Данная публикация полностью посвящена Витольду Гомбровичу и влиянию его творчества на поляков, появление в ней фамилии Достоевского выступает как случайный пример вне углубленных сравнительных параллелей.

¹²⁰ См. оригинал: „Po ćwierćwieczu powróciłem do Dostojewskiego. Lektura Dostojewskiego to prawdziwa uczta intelektualna i duchowa. Zacząłem od *Braci Karamazow*. Uderzyło mnie niezwykle podobieństwo między opisem typów ludzkich rodziny Karamazowów a teorią osobowości Freuda. Okazało się przy tym, że Dostojewski najprawdopodobniej był pierwszy. Czy możliwe, by Freud popełnił plagiat?”.

¹²¹ См. оригинал: „Czy Freud miał okazję zaznajomić się z dziełem Dostojewskiego? Wykluczyć tego nie można. Tak czy siak, bardziej prawidłowe wydaje się stwierdzenie, że to Freud uprawiał dostojewszczyznę, a nie odwrotnie”. К данному материалу мы еще обратимся при анализе рецепции романа *Братья Карамазовы*.

иной мере для каждого человека проблем, описанных общедоступным языком. В нашем случае важны представленные психиатром литературные контексты.

В связи с психиатрией фамилия писателя появилась также в публикации об американско-британской комедийной актрисе Руби Вакс (Ruby Wax, род. 1953 г.), которая, пройдя через психиатрическую лечебницу, позже сама получила образование терапевта и стала помогать людям с психическими расстройствами через свое творчество и публикации, организуя различные мероприятия. О личном кризисе актрисы читаем: «Ее разочаровало то, что нервное расстройство не имело романтического измерения, о котором писали Кафка или Достоевский. Она чувствовала себя не героиней экзистенциальной драмы, а куском бетона» [Derkaczew 2013: 7]¹²².

Известнейший польский писатель-фантаст и эссеист Станислав Лем (Stanisław Lem, 1921–2006 гг.) в напечатанной в газете беседе о снах с современной польской поэтессой Эвой Липской (Ewa Lipska, род. 1945 г.) называл З. Фрейда «обычным маньяком», а теорию психоанализа – «заболеванием», которое «выдает себя за терапию». При этом в сновидениях Лем отмечал присутствие «своей ауры»:

Аура, хотя и совершенно иная, появляется также перед эпилептическими припадками. Об этом писал Достоевский, классик эпилепсии, если так можно сказать. В снах аура является чрезвычайно сильной, эмоциональной – всё это «сниво» насыщено какой-то смесью эмоциональных состояний, которые наяву являются оксюморонами, взаимным противоречием [Lipska 2003: 22]¹²³.

Опыт из снов писатель использовал в своем творчестве. Достоевский же, будучи эпилептиком, как известно, неоднократно обращался к эпилептическим состояниям и у своих героев. Вероятно, С. Лем говорил именно о личном опыте болезни эпилепсии, воплощенном в произведениях Достоевского.

Жизненный путь писателя на страницах газеты чаще всего составляется из неких фрагментов, представляя собой мозаику, а не цельный образ. Так, в одной из статей читатель и узнает об эпилепсии, которой страдал писатель, но это материал о заболевании вообще и проблеме, с которой сталкиваются сотни тысяч поляков и миллионы людей в мире; среди известных эпилептиков названы Достоевский, Цезарь, Бетховен. Имеет место только упоминание писателя, хотя и с важной биографической деталью [Moskal 2008: 15]. Точно в таком же ключе фамилия Достоевского позже появилась

¹²² См. оригинал: „Rozczarowało ją to, że załamanie nerwowe nie miało romantycznego wymiaru, o jakim pisali Kafka czy Dostojewski. Nie czuła się jak bohaterka dramatu egzystencjalnego, ale jak kawał betonu”.

¹²³ См. оригинал: „Aura – choć zupełnie inna – pojawia się też przed atakami epileptycznymi. Pisał o tym Dostojewski, klasyk epilepsji, jeśli można tak powiedzieć. W snach aura jest bardzo silna, emocjonalna – całe to «śniwo» nasycone jest jakąś mieszanką stanów emocjonalnych, które na jawie są oksymoroniczne, wzajemnie sprzeczne”.